

щейся въ мирѣ грозѣ, и вдругъ тебѣ станеѣ весело.» «Знаю! — если бы революціи «освобождали» человѣка, какой бы это былъ счастливый человѣкъ! — знаю, никакія революціи не перевернутъ, ну, скажу такъ . судьбы, которую конемъ не объѣдешь.» И все таки — или это отъ тѣсноты невозможной, въ которой живемъ мы? — когда подымается буря...»

Такъ говоритъ человѣкъ, который «по своему малокровію и смертельной зябкости», «по душевной своей недрогости», человѣкъ, которому «больно отъ кошачьяго писка, не только тамъ отъ чело-вѣческихъ», и который, поэтому, «за самыя нерушимыя китайскія стѣны», и чтобы «все было такъ, какъ есть, плохо ли, хорошо ли, только бы неизмѣнно и нерушимо». Такъ говоритъ онъ потому, что пройдя черезъ огонь и душливый дымъ революціи, опаленный, измученный, полужадушенный, — онъ никогда не можетъ позабыть ярчайшаго свѣта, озаряшаго труднѣйшія минуты жизни, свѣта, рождающагося только въ стихіи огненной бури, другимъ незнакомаго. Такъ говоритъ писатель, который «жарчайшія чувства и слова» свои получилъ въ потокѣ жизни, крутившемъ его, какъ жалкую щепку. Да, не общимъ языкомъ говоритъ Ремизовъ!

Въ современной російской литературѣ революціонный бытъ отраженъ съ большою яркостью. И тамъ, на мѣстѣ, легче разрѣшны психологическія загадки этого быта. Но російскимъ писателямъ не досаждаетъ отдаленія и духовной озаренности, которую проникнуты писанія Ремизова. Они отличныя бытовики-фотографы, но оцѣнка быта, въ которомъ они сами живутъ и кружатся, имъ пока не доступна. Отсюда грубоватость и жесткость ихъ подхода къ людямъ (рассказы П. Романова). Ремизовъ, уйдя изъ быта и унеся о немъ память, — освѣтилъ эту память свѣтомъ любви, вѣры и человѣчности. И бытъ можетъ главное — свѣтомъ вѣры. Поэтому его книга, обильная страшными деталями революціоннаго быта, часто подводящая къ порогу отчаянія, «въ концѣ концовъ» не только полнѣе даетъ эпоху революціи, но и находитъ для эпохи и для революціи лучшія слова оправданія. Вѣра дастъ ему то, чего не могутъ имѣть утратившіе вѣру старую и еще не пріобрѣтшіе новой. Изъ огня и полымя эта его вѣра вынесена невредимой и сто кратъ озаренной.

Мих. Ос.

Пушкинъ въ міровой литературѣ. Сборникъ статей. Государственное Издательство. 1926. Стр. 408.

Этотъ сборникъ является весьма цѣннымъ вкладомъ въ быстро разрастающуюся спеціальную литературу по пушкиновѣдѣнію. Статьи, въ немъ помѣщенные, представляютъ собою детальныя и весьма содержательныя изслѣдованія тѣхъ сторонъ творчества Пушкина, которыми оно соприкасалось съ современными ему теченіями міровой литературы. Все эти статьи можно подраздѣлить на три группы. Статьи первой группы посвящены изслѣдованію вопроса о томъ, что и какъ было Пушкинымъ взято отъ иностранныхъ поэтовъ. Статьи

второй группы трактуют о влиянии Пушкина на некоторые иноземные литературы (греческую и грузинскую). Статьи третьей группы очерчивают место Пушкина среди современных ему русских литературных течений. Все это не работы общего характера, а чисто фактическия изслѣдованія, опирающіяся либо на новый матерьялъ, либо на новое освѣщеніе ранѣе известныхъ данныхъ. Это и придаетъ сборнику особенно привлекательный аромать свѣжей и пылкой мысли. Сборникъ открывается статьей С. Лурье, въ которой устанавливается, что при сочиненіи «Гаврилады» Пушкинъ руководился мотивами, выдвинутыми въ некоторыхъ апокрифическихъ евангеліяхъ. Затѣмъ А. Маленинъ даетъ нѣсколько фактовъ и соображеній о пользованіи Пушкинымъ для своихъ произведеній Аврелиемъ Викторомъ и Тацитомъ. Эти двѣ статьи носятъ характеръ скорѣе справочный, онѣ любопытны лишь для характеристики разнообразія литературныхъ свѣдѣній Пушкина, но не даютъ чего либо цѣннаго для изученія процесса его поэтического творчества. Всѣ другія статьи Сборника, напротивъ того, освѣщаютъ намъ различныя стороны и моменты поэтической біографіи поэта. В. Томашевскій подробно изслѣдуетъ отношеніе Пушкина къ воззрѣніямъ Буало на поэзію. Здѣсь тщательно перерубаны всѣ прямыя упоминанія Пушкина о взглядахъ Буало и всѣ тѣ мѣста въ стихотвореніяхъ Пушкина, въ которыхъ можно усмотрѣть либо положительное, либо отрицательное соотношеніе съ идеями Буало. Это изслѣдованіе приводитъ къ интереснымъ выводамъ. Л. Майковъ въ примѣчаніяхъ къ академическому изданію раннихъ стихотвореній Пушкина слишкомъ выдвинулъ увлеченіе юнаго Пушкина фривольными французскими поэтами XVIII ст. Томашевскій показываетъ, что въ «арзамасскій» періодъ (1814 - 1817 г. г.) Пушкинъ въ гораздо большей мѣрѣ находится подъ обаяніемъ французскихъ классиковъ XVII ст., съ чѣмъ согласовалась и высокая оцѣнка имъ идей Буало. А затѣмъ, въ 20-хъ годахъ Пушкинъ быстро перерастаетъ это плѣненіе классицизмомъ, и процессъ его высвобожденія изъ подъ вліянія Буало, прослѣженный Томашевскимъ, ярко очерчиваетъ силу духовной самостоятельности Пушкина. С. Савченко посвящаетъ обширный этюдъ вліянію на русскую литературу начала XIX в. французскихъ элегиковъ XVIII в. и послѣдующему вытѣсненію этого вліянія новыми увлеченіями байронизмомъ, и прослѣживаетъ, какъ отразилось на творествѣ Пушкина это столкновеніе «жалостной» элегіи до-романтического періода съ романтической эгетіей байронскаго оттѣнка.

Весьма интересны четыре этюда Н. Яковлева о связяхъ Пушкинскаго творчества съ произведеніями англійскихъ поэтовъ «озерной школы». Впервые указано откуда взять былъ Пушкинымъ его прозаическій переводъ изъ Вордсворта. Оказывается, что это—переводъ начала поэмы Вордсворта «Экскурсія». Далѣе, данъ анализъ Пушкинскаго перевода поэмы Соути «Родриго», и развита гипотеза о связи Пушкинскихъ «Египетскихъ Ночей» съ произведеніемъ Кольриджа «Импровизаторъ». Изученіе всѣхъ этихъ переводовъ и заимствованій рисуетъ интересную картину того, какъ все, почерпаемое Пушкинымъ у другихъ поэтовъ, переплавлялось въ горнилѣ его собственна-

го поэтического творчества. Очень выпукло выступает здѣсь различіе между гениемъ и талантомъ. Переводы талантливаго Соути, гениальный Пушкинъ изъ 552 стиховъ оригинала дѣлаетъ всего 120, безжалостно отсѣкая длиноты пухлаго подлинника. Въ сущности это не переводъ, а поэтическая корректура. Нечего и говорить о томъ, что произведенная Пушкинымъ хирургическая операція даетъ великолѣпные результаты. На этомъ примѣрѣ наглядно подтверждается извѣстное опредѣленіе гениальности, какъ дара находить кратчайшіе и простѣйшіе пути къ достиженію крупныхъ результатовъ. Вообще, такъ называемыя «заимствованія» Пушкина весьма своеобразны, сплошь и рядомъ онъ беретъ у кого-нибудь мотивъ, идею, сюжетъ, и дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто совсѣмъ новое, по глубинѣ и силѣ несравнимое съ первоисточникомъ. Такъ было, напр., съ «Пиромъ во время чумы». Въ поэмѣ Вильсона председатель пира просто холодно резонируетъ о разныхъ видахъ кощичны. А Пушкинъ дѣлаетъ изъ этого сырого матерьяла великолѣпный гимнъ Вальсинама въ честь чумы съ вызовомъ смерти, съ упоеніемъ въ гибели. (См. Н. Яковлева: «Источники Пира во время чумы»). Такъ и «Импровизаторъ» Кольбриджа далъ Пушкину только толчокъ для развитія его собственныхъ идей.

Д. Якубовичъ даетъ диную статью о Пушкинѣ и Вальтеръ-Скоттѣ, но эта статья не такъ интересна, ибо дѣло идетъ о подражаніи Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ писателей одному чисто формальному приему Вальтеръ-Скотта: укрыванію авторомъ своей личности въ формѣ приписыванія своего произведенія фиктивнымъ сочинителемъ, какъ Рудый Палько у Гоголя, Бѣлкинъ у Пушкина и т. п. Съ безпшнымъ педантизмомъ г. Якубовичъ входитъ въ сопоставленіе всѣхъ подробностей этого приема у разныхъ авторовъ. Стоитъ ли выдѣлки овчинка? Очень преувеличено при этомъ мнѣніе о томъ, что именно съ начала XIX в. псевдонимъ начинаетъ играть у насъ въ литературѣ особенно важную роль. Мы думаемъ, что въ XVIII в. роль его была еще больше. Можно было бы привести немало тому доказательствъ.

За то цѣна значительнаго интереса статья Ю. Тынянова, «Архангелы и Пушкинъ». Мы находимъ здѣсь любопытную характеристику литературнаго движенія въ Россіи въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка. Обыкновенно существо этого движенія сводятъ къ борьбѣ классицизма и романтизма. Авторъ показываетъ, что движеніе было гораздо болѣе дробнымъ и изобиловало осложненіями, которыя далеко не укладывались въ вышеказанную рамку. Большое жизненное значеніе имѣла борьба «карамзинистовъ» съ «архангелами». Совершенно распространенному шаблону, архангелы, предводимые Шишковымъ, были и политическими и либеральными ретроgrадами, а карамзинисты представляли передовое теченіе. Въ этотъ шаблонъ авторъ и вводитъ существенныя поправки. Во-первыхъ, надо отличать старо-архангеловъ (Шишковъ, Шихматовъ и др.) и младо-архангеловъ (Грибоѣдовъ, Капеланинъ, Кюхельбекеръ), при чемъ послѣдніе по сравненію съ карамзинистами были въ политическомъ отношеніи сущими радикалами и членами политическихъ тайныхъ обществъ, а въ отношеніи чисто литератур-

помъ архаисты вообще выдвигали струю, болѣе плодотворную, нежели карамзинисты. Если архаисты для «высокихъ предметовъ» требовали напыщенно-мертвеннаго стиля, за то для обыкновенныхъ предметовъ они культивировали реалистически-народный стиль, тогда какъ карамзинисты все подводили подъ одинъ общій такъ назыв. «средній» стиль — прилизанный, жеманный, изысканный, книжный и оторванный отъ жизни. Вотъ почему не карамзинисты, а именно мало-архаисты явились отдаленными предшественниками послѣдующаго художественнаго реализма. Эта мысль развита авторомъ на подробной характеристикѣ малооцѣненнаго и мало извѣстнаго поэта, — современника и друга Пушкина, — Катенина, котораго Ю. Тынниковъ прямо называетъ предшественникомъ Некрасова. И, вѣная приводимые авторомъ образцы Катенинскихъ стихотвореній, дѣйствительно изумляешься тому, что это было написано въ 20-хъ г. г. XIX в. чередъ нами Некрасовскій стихъ, Некрасовскіе размеры, Некрасовская простота въ изображеніи природы и деревенской жизни! Въ высокой степени интересна и знаменательна роль Пушкина во всемъ этомъ движеніи литературныхъ партій. Бездонный умъ Пушкина, его гениальная проищательность и свободное стремленіе ко всему свѣжему выступаютъ тутъ во всей силѣ. Вяземскій, Жуковскій и другіе правобѣрные «карамзинисты» сектантски чурались мало-архаистовъ. А Пушкинъ ломать всѣ сектантскія перегородки, свободно брать медъ и съ карамзинистскихъ, и съ архаистскихъ извѣнокъ, и слѣдая прямолинейная крайности и тѣхъ, и другихъ. Народный, реалистическій струи направленія Катенина съ привѣтствовать съ одушевленіемъ и въ рядѣ произведеній — какъ напр., въ «Утопленникѣ», во многихъ строфахъ «Ольгана» и во мн. др. — дать такіе чудные образцы этого направленія до которыхъ не могъ возвыситься несравненно менѣе одаренный Катенинъ, по сравненію съ Пушкинымъ, — шимей въ поэзіи. Недаромъ, въ томъ же Сборникѣ г. Шимкевичъ въ остроумной статьѣ показываетъ, что у самого Пушкина можно цѣлыми пригоршнями черпать такіе образцы реалистической поэзіи, къ которымъ Некрасовскій стиль непосредственно примыкаетъ.

Разумѣется, эта живая, содержательная, серьезная книга снабжена, какъ теперь водится въ Союзѣн, пошлѣйшимъ предисловіемъ. Такъ ужъ повелось у насъ, съ его серьезными изслѣдованіями позволяется предать предъ публикой не иначе, какъ съ дварцкимъ колпакомъ на головѣ.

А. Кизеветтеръ.

В. Жирмунскій. Байронъ и Пушкинъ, 1924. изд.

Проф. Жирмунскій цодставляетъ себѣ совершенно новую задачу. охарактеризовать русскій байронизмъ какъ извѣстную художественную «манеру». Изслѣдованіе проф. Жирмунскаго ограничено предѣлами Пушкинскаго періода. Въ рядѣ главъ изслѣдуется вліяніе Байрона — и именно Байроновской манеры, композиціи, приемовъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, средствъ художественной выразительности — на Пушкина, за этимъ слѣдуетъ большая глава, посвященная «массовой художественной продукціи» того времени.